
Владимир ШЕМШУЧЕНКО

* * *

Пером и кистью по зиме
Поземка пишет акварели.
Дрожат ресницы старой ели
И серебрятся в полутьме.

С зеленоглазою луной
Играет старый кот в гляделки.
Вживаюсь в роль ночной сиделки,
Поскольку сам себе — больной.

Пузатый чайник на плите
Пыхтит, вздыхает и бормочет,
Как будто мне напомнить хочет
О законной красоте.

Звездам нет счета, бездне — дна —
От белой зависти немею,
И все же выдохнуть посмею:
Россия — это тишина.

ПЕТЕРБУРГ

Лужи на мостовой,
Словно и нет зимы.
Варежкой дождевой
Зачехлены дымы.

Переполох огней.
Бронзовый всадник хмур.
Не карнавал теней —
Месиво контркультур.

Изморось, гиль и хмарь —
Слипшийся видеоряд:
Вписан красный фонарь
В неба черный квадрат.

Владимир Иванович Шемшученко родился в 1956 году в Караганде. Окончил Киевский политехнический, Норильский индустриальный, а также Литературный институт им. А. М. Горького. Работал в Заполярье и Казахстане. Автор нескольких поэтических книг. Член СП. Живет в г. Всеволожске (Ленинградская область).

Мокнет в Неве вода.
Ветер сердит и крут.
Люди туда-сюда,
Словно улитки, текут.

Лижет волна гранит.
Двор проходной — дыра.
Если луна спит,
Значит, и мне пора...

* * *

Черемуховый обморок. Безумье соловья.
Подслеповатый дождь, крадущийся по крыше...
Скучают во дворе веревки для белья,
И, кажется, земля волнуется и дышит.

На цыпочках рассвет по лужам пробежал
И в спешке обронил роскошный куст сирени...
Он долго на ветру качался и дрожал,
Роняя на траву причудливые тени.

Откуда ни возьмись нагрянули скворцы,
Снуют туда-сюда... И важные такие...
И тотчас воробьи — на что уж храбрецы! —
Расстроили свои порядки боевые.

И, кажется, что зла на свете вовсе нет,
Зато добра вокруг — невыпитое море:
И от костра дымок, и яблоневый цвет,
И соло василька в большом цветочном хоре!

МАРИНЕ

1.

Перебранка полешек, бормотанье огня
И волос твоих рыжих волнующий запах...
Я тебя назову — свет осеннего дня
Или, лучше, — предзимье на заячьих лапах.

А еще — из камина возьму уголек
И на белом листке (только бы не проснуться!)
В простоте напишу всего несколько строк,
До которых потом не смогу дотянуться.

Полутон, полужест — между явью и сном
(Только ты помолчи, а иначе — разбудишь!) —
Это снег! Это — первый, большой за окном!
Я его люблю так, как ты его любишь!

2.

Смахнул снежинки с темной шубы
И сразу понял — опоздал:
Тебя в обветренные губы
Мороз уже поцеловал.
Глаза в глаза! И задохнулся!
И растворился! И пропал!
Ненужным словом поперхнулся
И поражение признал.
Я — снег! Лепи меня руками,
В азарте пальцы обжигай,
Взрывайся белыми стихами
И междометьями стегай!
И смейся! Смейся до упаду!
Я вечер — бел. Я ветер — тих.
Приму как высшую награду
Прикосновение рук твоих!

3.

Скрипит под ногами ледок,
Чирикает воробышка.
Меняет и наш городок
На плащик худое пальтишко.
Любимая, вот и весна!
Снега уползают в овраги...
Вот брякну в сердцах: «Не до сна!» —
И двину из греков в варяги,
Минуя веселый Париж,
В котором полно чернокожих,
Где снежные хищники с крыш
Не прыгают на прохожих,
Где каждый случайный сугроб
Сметанен и даже — заморожен
И всякий любовный микроб
Опознан — и уничтожен!
И веник у них не цветет...
А наш, посмотри, — расцветает!
Любимая, я — идиот —
Европа стихи не читает!

Не смейся, родная, прошу...
И пусть непростительно трушу —
Я лучше ТЕБЯ напишу:
Слушай!

ПО ОТВЕСНОЙ СТЕНЕ

1.

Выглянул месяц, как тать из тумана,
Ножичком чиркнул — упала звезда
Прямо в окоп... В сапоги капитана
Буднично так затекает вода...

Через минуту поодаль рвануло.
Замельтешили вокруг светлячки...
Встать не могу — автоматное дуло
Прямо из вечности смотрит в зрачки.

2.

Белый день. Белый снег.
И бела простыня.
Бел как мел человек.
Он белее меня.

Он лежит на спине,
Удивленно глядит —
По отвесной стене
Страшновато ходить.

«Помолчите, больной... Не дышите, больной...» —
Говорит ему смерть, наклонясь надо мной.

3.

Остывают страны, народы
И красивые города.
Я плыву и гляжу на воду,
Потому что она — вода.

А она и саднит, и тянет,
Словно соки земные луна...
Жду, когда она жить устанет
Или выпьет меня до дна.

Я плыву, как вселенский мусор...
На другом берегу реки,
Наглотавшись словесного гнуса,
Чахнут звездочки-паучки.

Из какого я рода-племени?
Кто забросил меня сюда?
Скоро я проплыву мимо времени,
Опрокинутого в никогда...

* * *

Луна продырявила дырку
В небесной большой простыне.
Сработаны, как под копирку,
Стишата, что присланы мне.
Вот, думаю, — делают люди,
Печатают эту пургу...
А я, словно овощ на блюде,
Стихи сочинять не могу.
И я совершаю ошибку,
И в корень не тот зрю...
Но сплевываю улыбку
И сам себе так говорю:
«Зачем тебе глупая драка
За место на полосе...
Пиши — говорю, — Собака!
Печататься могут все!»